

Сергей Шумихин

«Мандельштам был не по плечу современникам...»

Письмо Надежды Мандельштам к Александру Гладкову

Письмо Надежды Яковлевны Мандельштам, вдовы поэта, — одно из сотни ее писем, адресованных драматургу, поэту, мемуаристу и эссеисту Александру Константиновичу Гладкову (1912-1976). И если о жизни Н.Я.Мандельштам мы знаем многое (в первую очередь, конечно, из ее замечательных мемуарных книг), то Александр Гладков историкам литературы известен пока совершенно недостаточно.

Такое утверждение может показаться странным. В самом деле, это драматург, написавший пьесу «Давным-давно», которая аншлагами прогремела еще в первый год войны, а после экранизации в 1962 г. Эльдаром Рязановым превратилась в героическую комедию «Гусарская баллада» (поручик Ржевский стал героем серии анекдотов и подобно Чапаеву и Штирлицу обрел значение символа — кто из современных авторов может похвалиться подобным всенародным признанием?). Он же — автор воспоминаний о Мейерхольде, чью дружбу и доверенность совсем юный Гладков смог заслужить, о Пастернаке, с которым был в эвакуации в Чистополе, воспоминаний блестяще написанных, умных, глубоких и честных. Разве этого мало?

Но подлинный Александр Гладков остается пока почти неизвестным. «Сейчас бы помереть и станешь легендой, и постепенно все издадут, что написал, и приятели будут писать воспоминания о чуде и светлой личности, а я и не светлая личность, и не чудак, а человек очень много думавший и очень много намеревавшийся сделать и очень мало сделавший, любивший жизнь больше славы и успеха», — писал Гладков в январе 1964 года.

Пьеса «Давным-давно», написанная на одном дыхании и всю жизнь приносившая Гладкову материальный минимум и скромный достаток, не стала, однако, шагом на пути превращения его в бойкого драматурга-драмодела, как случилось бы со многими. В последние десятилетия жизни Гладков мечтал создать грандиозную книгу мемуаров, охватывающую полвека — с 1920-х по 1970-е годы. Гладков обладал необходимыми для этого качествами: историческим мышлением, умением анализировать, способностью замечать и фиксировать на первый взгляд мелкие, как бы незначительные и частные детали, факты, характеры, словечки, а не отмахиваться пренебрежительно от них, как зачастую делали «маститые» историки. («Я не признаю историю без подробностей!» — писал он).

Однако осуществить это Гладкову не довелось. Несколько десятков томов его дневника — всего лишь подступ к этому неосуществленному предприятию.

Гладков был замечательный критик, написавший очень мало критических работ: тонкие замечания о книгах разбросаны по многим его статьям и очеркам. Особую страсть книголюб и библиофил испытывал к той части русской культуры, которая в те годы была отсечена от родины железным занавесом. Поехав в Ригу в январе 1948 г. для того, чтобы присутствовать на латышской премьере «Давным-давно», он получил редкую возможность удовлетворить свои запретные желания. 20 января он записал:

«У книжника Кузьмича, сектанта и спекулянта, и у какого-то старого адвоката, распродающего остатки когда-то видимо отличной библиотеки: все книги в переплетах и с тиснением на корешках, — купил 43 тома. В том числе 4 книги Бунина, 2 — Шмелева, 2 — Тэффи, 3 — С.Волконского, 3 — Крымова, Бальмонта и др. Алданова не достал ничего. Еще купил 50 томов «Современных записок». Весь мой номер завален книгами. Еще купил 14 пластинок Вертинского. Денег не хватило. Остался должен Кузьмичу, обещав из Москвы перевести».

А следом за этим характерная запись от 22 января: «Еду. В поезде приступ страха, не совсем беспричинного. Я не паникер, но после лета 37-го и весны 39-го такого со мной не было. Уверенность в слежке, в том, что меня ждут на вокзале в Москве и все прочее. Страшноватая ночь. Браню себя за приобретенные книги, за эту поездку, которая кажется мне роковой».

Из Москвы ехал с одним чемоданом, а в Риге пришлось купить еще один, вместительный».

В Москве последовали обмены с московскими книголюбями (А.К.Тарасенковым, Н.Д.Волковым) парижскими и берлинскими изданиями на дублеты. Такие

книги принесла из-за границы война.

18 февраля 1948 г.: «Читаю Сирина «Подвиг». Хорошо! Как художник, Сирин сильнее всех из зарубежников и должен быть поставлен прямо вслед за Бунинным. «Защита Лукина» — книга с проблесками гениальности. Куприн и Шмелев в эмиграции — настоящие рамолики. Даже Навин литературно пристойней их. Симпатичен, хотя и не очень талантлив, Осоргин».

Прочел, взяв у Тарасенкова, «Некрополь» Ходасевича. Великолепная книга! Умно и интересно, хотя и с оттенком сплетни. <...> Лучший очерк о Горьком. Он написан с нескрываемой горечью и без привычной для Х. злобы. Я бы очень хотел иметь эту книгу в своей библиотеке. <...>

Проза Сирина действует на меня возбуждающе — хочется писать самому. Это третий роман С., который я читаю, а впереди еще пять (в журналах)».

10 августа: «Встретившийся Сережа Ларин. В Риге арестован книжник Кузьмич. Перебираем возможные варианты и успокаиваем себя. Я иду проводить его. Расстаемся на углу улицы Фрунзе и Моховой. Остается холодок тревоги. Но мало ли было такого за все эти годы!»

15 августа: «Глупая история с книжниками-спекулянтами. Ссора. Милиция. Опрос. Мне это рассказывает испуганная Валя Осипович. Успокаиваю ее. Павел Шеффель вел себя, как идиот. И все же неприятно».

22 сентября: «На днях произошел странный случай, о котором я сначала не хотел писать».

Но все время думаю об этом.

Меня вдруг вызвали в нашу милицию в военный стол. Я старый белобилетник и пошел, недоумевая. Предъявил свои документы. Меня попросили подождать. Я сел на стул в коридоре и стал ждать. Несколько человек в форме и штатские проходили из одной двери в другую и внимательно оглядывали меня. Потом из комнаты, где военный стол, вышел человек и сказал, что я могу идти домой, что произошла ошибка.

Я ушел, но у меня осталось ощущение, что меня кому-то показывали. Лю-

бим из оперотдела или агентам.

И не могу от этого отделаться».

Перепечатавая набело свои дневниковые записи 1948 года, Гладков так закончил запись 30 сентября:

«Умер Качалов. Я его когда-то очень любил и «У врат царства» видел, наверное, раз двадцать. И все остальное, что он играл с 1925 года, видел по нескольку раз».

Вечером захожу в театр. Сажу у Лобанова. Администратор Генессин приносит мне на подпись оттки афиши. Потом заходим с Гуцанским в кафе «Нацио-

А.К.Гладков. 1958.

наль». Пьем немного. С нами сидит В.Ардон.

Сейчас сяду писать футбольные куплеты для капутника. Туннель только что звонил, напоминал...

Этой ночью я был арестован...»

Создававшееся «органами» крупное дело «книжников» должно было быть как-то связано с разоблачением «антипатриотической группы критиков» и последовавшей антисемитской кампанией, окончившейся разгромом Антифашистского еврейского комитета и «делом врачей».

Почему-то громкий процесс не состоялся. К Гладкову был присоединен как одиозный (позднее, при Хрущеве, расстрелянный по «валютному» делу — в нарушение принципа, что закон не имеет обратной силы) сын бывшего редактора

журнала «Интернациональная литература», представитель московской «золотой молодежи» Я.Т.Рокотов, причем познакомились они только в лагере. Отбыл в лагерях Гладков свой срок (6 лет), как говорится, «от звонка до звонка».

Гладков был не слишком общителен, даже заслужил репутацию «бюрократ». Но вместе с тем среди его друзей и знакомых были Борис Слуцкий, переводчица Цецилия Кин, Илья Эренбург, Виктор Шкловский, Анна Ахматова, Варлам Шаламов, Константин Паустовский, Юрий Трифонов, Рой Медведев... Несколько лет продолжался обмен письмами с Н.Я.Мандельштам и личное общение, после ее приезда в Москву. Одно из ответных писем Надежды Яковлевны, написанное вскоре после прошедшего в Ленинграде процесса над Иосифом Бродским, активно обсуждавшегося в интеллигентских кругах, предлагается вниманию читателей. В квадратных скобках — зачеркнутый Н.Я.Мандельштам текст. О.М. — Осип Мандельштам, Анна Андреевна, А.А. — Ахматова, Борис Леонидович — Пастернак.

***

14 апреля <1964>

Дорогой Александр Константинович! Не ваше письмо пропало, а мое. Я получила и Бабеля, и газету. Бабель меня удивил (отрицательно). Но это неважно... Отвечая вам я, наверное, перепутала номер почтового отделения. Это была просто записочка.

В вашем споре с Есениной я всецело на вашей стороне. Она учитывает только мелкую выгоду сегодняшней минуты. Между тем, время требует человека, как такового, во всех противоречиях. Сейчас мы понимаем, что это только и делает его человеком. Но я думаю, что и это икона, только сделанная не наивным богомазом. Я сейчас читала Ганди. Он пишет о себе массу смешного, а выходит величественный образ. Мне кажется, я понимаю, в чем дело. Но об этом когда-нибудь поговорим. То же с Бердяевским Самопознанием».

Я всегда завидовала Мейерхольду, что о нем пишете вы. Те, кто пишет об

О.М., тоже хотят дать «в противоречиях» (Эренбург, Маковский, Миндлин и др.), но ориентируются при этом не на О.М., а на пошлейшие анекдоты, придуманные Волошиным (который решил из О.М. сделать нечто вроде смеси «высокого и низкого» глазами дамы из литературного салона, символиста и «дяди Мони с Басейной», да еще нового... (трудно объяснить — попробую еще раз): который пробовал сделать из О.М. «поэта» в своем понимании: это понимание, построенное на дешевых журналистских приемах — внешние противоречия. Зачем понадобилось Эренбургу, чтобы О.М. был хилый и малого роста? И рост выше среднего (я чуть выше плеча, но не до уха), и плечи широкие. А надо для эффекта, вроде «мал золотник, да дорог»... Хилый, а голос могуч... Красив или некрасив О.М.? Все педерасты сообщили, что О.М. некрасив... А он вне этого понятия. Выразительное лицо, как у многих интеллигентов. (И очень изящен, когда одет не в... Москвошвей). Маковский выдумал мать: простая еврейская торговка и гениальный сын. Вранье. Мать — пианистка, культурная женщина. (Родственница Венгерова, не бог весть что, но не торговка.) У Миндлина О.М. эгоцентричный, которому Миндлин дарит свои представления об искусстве: «Творчество — это так красиво... это такая радость...» Тоже нашел пошляка и гедониста... О.М. был не по плечу современникам: свободный человек свободной мысли в наш трудный век. Они и старались подвести его под свое заранее готовые понятия о «поэте». Нельзя забывать, кто были его современники и что они наделали.

Довольно хорошо рассказывает о нем (об О.М.) Аркадий (с одесским шиком) и переводчик всяких калмыцко-киргизских эпосов — я забыла его фамилию. Такой умный человек, толстый, что-то о войне писал стихи, был в чинах... Только они никогда не соберутся написать.

Вы же очень точно передаете мысль и смысл движения человека. У вас был зоркий глаз, когда вы еще были мальчишкой. Пастернака вы точно передавали... (Это «цитатно», т.е. подлинная цитата... В анекдотах о разных высоких событиях («он сказал») Бор<и>с Леон<идович> и Анна Андр<еевна> всегда решали, «цитатно» ли передаваемое, т.е. выдумка или есть реальная подкладка. «Цитатно» — значит — похоже на то, что могло быть данным лицом сказано.)

Окончание на стр.12

«Мандельштам был не по плечу современникам...»

Начало см. стр.10

Это большой труд — увидеть подлинное, живое, отрешившись от готовых представлений и тех стандартов, которые мы подставляем вместо воспринимаемого. Мы все хотим увидеть круг вместо многоугольника... Стандартный ритм вместо неожиданного, в кривой и т.п. ... Таково свойство восприятия. А у вас есть способность видеть точно. Повторять "цитатно". Запоминать подлинное... Дай-то Бог... А о богомазанной иконе и думать не надо. На это найдутся желающие, когда откроют заслонки.

Видели вы английского Лира²? Фотографии Скофилда мне не понравились. А Гамлет он был дивный. Напишите.

Козинцев написал дурацкую книгу о Шекспире. Я все думала, как он поставит Гамлета при таком мелком понимании. (Мне книгу сунула Люба³)... Напишите подробнее.

Про Бр<одского> вы пишете на этот раз очень хорошо. С доброй позиции... Но вы прекрасно знаете, что советов не слушаются. Я (и А.А., и многие другие...), в частности, давали Б<родскому> разумные советы. А еще раньше мы все давали О.М. И многим другим. Вообще, совет — вещь бесполезная, а уж поэтам их давать совсем не надо... А Мейерхольд слушался советов? Да если б и послушался, не помогало бы. Я начинаю верить в "Мойру" — судьбу.

О Смородине вы мне писали. Я знаю несколько таких случаев. Вспомните Ты-

Н.Я.Мандельштам.

нянова... Это результат замены имен мерами. В случае См<ородина> может иначе, но когда-то этого было много⁴.

Очень рада, что Коля⁵ оказался на высоте. Он высокой духовной и душевной организации человек, а иногда сдуриет — по мелочи, и мы этого пугаемся. Пишите. Н.М.

Эмму поцелуйте⁶.

Я, кстати, понимаю в вас одну вещь. Вы в каких-то вопросах хотите, чтобы не было беды. Это о Б<родском>... Устали. (И об О.М.). Но об этом только поговорим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В газете "Литературная Россия" 13 марта 1964 г. Gladkov перепечатал два очерка молодого Бабеля, найденные в дореволюционной периодике, со своим маленьким предисловием.

² Есенина Татьяна Сергеевна (1918-1992), дочь Сергея Есенина и Зинаиды Райх, писательница, сценаристка. В марте 1964 г. выступала на первых вечерах памяти В.Э.Мейерхольда (в честь его 90-летия) в Ленинграде.

³ 14 сентября 1964 г. Gladkov записал: "Достал на 2-е суток книгу Н.Бердяева «Самопознание. (Опыт философской автобиографии)». Париж, 1949. Уже прочел одну треть. Скорее разочарован: ждал иного и большего..." И на другой день: "Прочитал Бердяева. В целом книга эта мне чуждая и ненужная и даже чем-то неприятная. Есть, конечно, интересные места, но почти все время читал с некоторым принуждением и без всякого увлечения. Написано это нехорошо: как-то вяло и не пластично. Мне лично книга безразлична не по существу, а тем, что помогает понять хотя бы «Доктора Живаго», в философии которого есть общности с бердяевской, впрочем — не до конца".

⁴ О Мандельштаме в 1964 г. можно было прочитать в мемуарах Эренбурга "Люди, годы, жизнь", в книге Эм.Миндлина "Необыкновенные собеседники" и изданных в США в 1955 г. воспоминаниях С.К.Маковского "Портреты современников".

⁵ Критик и переводчик А.Г.Горнфельд, у которого с Мандельштамом разразился конфликт из-за переводов "Тилиа Уленшпигеля", вызвавший настоящую травлю Мандельштама, отразившуюся в "Четвертой прозе".

⁶ Кого имеет в виду Н.Я.Мандельштам, установить не удалось.

⁷ Речь идет о ходивших тогда в рукописи воспоминаниях Gladkova "Встречи с Пастернаком" (первое издание — Париж: YMCA-Press, 1973).

⁸ В 1964 г. в Москву приезжал на гастроли театр Питера Брука со спектаклем "Король Лир" с Полом Скофилдом (Paul Scofield) в заглавной роли. Gladkov видел этот спектакль.

⁹ См. Козинцев Г.М. Наш современник Вильям Шекспир (1-е изд. — 1962 г.). "Гамлет" Козинцева с И.Смокуновским вышел на экран в марте 1964 г. и разочаровал Gladkova: кроме игры Смокуновского и музыки Шостаковича — гениального произведения не состоялось; идею и ее воплощение Gladkov считал банальными, фильм иллюстративным, иногда до наивности, — хотя официальный успех картины, разумеется, был предопределен.

Люба — Любовь Михайловна Эренбург, урожд. Козинцева (1900-1970), жена И.Г.Эренбурга, сестра кинорежиссера Г.М.Козинцева.

¹⁰ 26 марта 1964 г. Gladkov записал в дневнике: "Фантастическую вещь рассказал мне Г.М.Рахлин. Его в начале 53-го года везли из лагеря в Москву на новое следствие, и в Кировской пересылке он встретился со знаменитым Петром Смородиным, официально расстрелянным еще в 1939 году. Он все годы сидел в одиночке и до этапа и пересылок не знал даже, что была война. Его тоже везли в Москву. По словам Г.М., он был утоплен весной 53 года Берией в подвалах Сухановской тюрьмы вместе с тысячами старых коммунистов. (...) Загадочно, зачем Берия держал столько лет юридически мертвого Смородину. На всякий случай? Об этом Смородине, который в 37 году был переведен из Ленинграда первым секретарем обкома в Куйбышев (или Саратов), я слышал интересный рассказ М.Блеймана. Когда-то он считался славой комсомола, и Безыменский написал о нем поэму, которая так и называлась — «Петр Смородин»".

В советских энциклопедиях и справочниках год смерти "незаконно репрессированного, реабилитированного посмертно" Смородина — 1939-й. Юрия Тынянова Н.Я.Мандельштам упоминает, вероятно, в связи с его рассказом "Подпоручик Киж" — о псевдоличности, возникшей благодаря писарской описке.

¹¹ Оттен (Потапинский) Николай Давидович (1907-1983), писатель, киносценарист, критик, составитель сборника "Тарусские страницы". Знакомый Gladkova с начала 1930-х годов; в апреле 1964 г. между ними назревала разрыв, но Н.Я.Мандельштам убедила их примириться.

¹² Попова Эмилия (Эмма) Анатольевна, актриса ленинградского БДТ.